

Трапезникова Ольга Александровна

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБРАЗЕ АВТОРА И ЕГО СМЫСЛОВЫХ КОРРЕЛЯТАХ

В статье поднимается проблема субъектной организации художественного текста и ее терминологического аппарата. В центре внимания находится категория "образ автора" и различные подходы к толкованию ее содержания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 122-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Ходанен Л. А. и к.ф.н., доц. Груниной Л. П.

В статье поднимается проблема субъектной организации художественного текста и ее терминологического аппарата. В центре внимания находится категория «образ автора» и различные подходы к толкованию ее содержания.

Объектом исследования в данной статье является субъектная организация художественного текста, которая в настоящее время все активнее привлекает внимание ученых в силу своих особенностей и новых возможностей ее описания на фоне антропоцентризма современного языкознания, что подчеркивает актуальность работы в данном направлении.

Рассматривая вопрос авторского присутствия в художественном тексте, исследователи традиционно разводят понятия автора биографического и автора эстетического, или, по терминологии Лео Шпитцера, «эмпирического «Я» и «поэтического «Я» автора» [Рымарь, Скобелев 1994: 38]. Начало такому разграничению было положено в работах В. В. Виноградова и Ю. Н. Тынянова.

Однако, как отмечают ученые, четкой границы между личностью писателя и ее творческой ипостасью быть не может, поскольку и социальный, и профессиональный, и личный опыт автора находит свое воплощение в художественном тексте. «Будучи творческим субъектом произведения, писатель неизбежно становится и его объектом, так как вольно или невольно самораскрывается в нем», - пишет Г. В. Кручевская [Кручевская 1987: 3]. Нетождественность, но и неотделимость таких понятий, как «образ автора» и «писатель» подчеркивается в современных исследованиях, а также в справочной литературе. Так, в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» читаем: «Образ автора имеет эстетическую сущность и отражает не в полной мере концептуальную и языковую картину мира создателя литературного произведения, поскольку полностью его картина мира не может реализоваться в одном или нескольких текстах» [Болотнова 2003: 254]. В связи с этим «образ автора» трактуется учеными и как творческая индивидуальность писателя (Г. В. Степанов), и как художественная личность писателя (М. П. Брандес), и как «выражение личности художника в его творении» (А. Н. Соколов) [Соколов 1968: 156].

Поскольку сам творческий акт осуществляется реальной личностью в соответствии с теми или иными ее установками, в произведении обязательно находят свое отражение личные интенции автора, воплощенные и преобразованные по художественным законам. Данные интенции могут быть выявлены в результате исследовательской работы.

В связи со сложностью и неоднозначностью самого объекта исследования - автора эстетического - в научной литературе возникает и проблема его терминологического обозначения, а также связанных с ним явлений: «образ автора», «образ повествователя/ рассказчика»; «субъект речи», «субъект сознания», «концептированный автор» (Б. О. Корман); «первичный автор», «вторичный автор» (М. М. Бахтин); «имплицитный / подразумеваемый автор», нарратор, фокализатор (В. Тюпа, Е. В. Падучева, И. П. Ильин и др.), «голос автора» (В. В. Кожин, И. Б. Роднянская), «авторская модальность», «авторская позиция».

Наиболее распространенным и имеющим определенную традицию употребления (с 20-х гг. XX в.) является термин «образ автора». Однако в трактовке его не наблюдается единства. Прежде всего, это связано с метафоричностью самого термина «образ автора», который, с одной стороны, позволяет рассматривать его в одном ряду с другими художественными образами (М. Б. Храпченко, Л. В. Малов), с другой - отсылает и к автору, «стоящему за текстом». В этом отношении показательным является определение В. В. Кожина: «Образ автора - это один из образов произведения, созданный реальным автором подобно тому, как он создал и все другие образы» [Кожин 1978: 25] (разрядка - О. А.).

Различные подходы к определению образа автора обусловлены также направлением исследования: лингвистическим или литературоведческим, которые по-разному расставляют акценты в содержании категории «образ автора» и способах ее экспликации в художественном тексте. Литературоведы интересуются преимущественно «общественно-идеологической и социально-психологической стороной» образа автора, выявляя авторскую позицию по отношению к изображаемому явлениям. При этом в литературоведческих работах отсутствует четкая формулировка, кому принадлежит данная позиция: реальному автору или творческому субъекту произведения. Исследования литературоведов проходят, прежде всего, на идейно-тематическом и сюжетно-композиционном уровнях текстовой организации. Лингвистов же интересуют проблемы языковой репрезентации образа автора, взаимодействие стилистических пластов, характеризующих субъекта речи, индивидуально-авторское использование единиц языка. В работах, посвященных особенностям речевого (языкового) воплощения данной категории, образ автора рассматривается как вершина субъектной организации текста (Г. О. Винокур, Г. В. Кручевская, В. Б. Катаев, М. В. Меркулова, Н. С. Болотнова, Е. П. Тетюхин). В литературоведении такое положение творческого субъекта обозначено термином «автор-творец» (М. М. Бахтин).

В трудах М. М. Бахтина литературоведческий подход к исследованию субъектной организации художественного текста осложнен философским осмыслением проблемы творческого акта. В художественном произведении, по мнению исследователя, выделяется первичный («автор-творец») и вторичный («образ автора») автор. «Автор-творец» представляет собой категорию «особого внеэстетического порядка», он находится на границе созданного им художественного мира. «...Это активная индивидуальность видения и оформления, а не видимая и не оформленная индивидуальность», - пишет ученый [Бахтин 1986: 168]. Первичный автор определяется М. М. Бахтиным как «творческая энергия», создающая в произведении свой образ, «образ автора».

Таким образом, первичный автор не принадлежит художественному миру произведения, однако каждая деталь этого мира пронизана его «творческой энергией». Образ же автора по своей принадлежности тексту находится в одном ряду с повествователем, рассказчиком, героями.

В концепции В. В. Виноградова образ автора рассматривается в лингвостилистическом плане: будучи вершиной субъектной организации текста, эта категория объединяет в себе все речевые партии других субъектов, все стилистические пласты произведения. При этом «активная индивидуальность видения и оформления» (М. М. Бахтин) также характеризует образ автора. Организуя всю словесно-речевую структуру произведения, образ автора создает и стилистическое и композиционное единство текста. «Образ автора - ...это концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем рассказчиком или рассказчиками и через них являющегося идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого», - пишет В. В. Виноградов [Виноградов 1971: 118]. Сходную трактовку образа автора, в котором «в снятом виде содержится информация обо всех компонентах структуры произведения, его концентрированная сущность» находим в работах Г. О. Винокура, Г. В. Кручевской, Е. П. Тетюхина и др. [Кручевская 1987: 9].

Итак, образ автора не является простым субъектом речи, он может быть даже не назван в структуре произведения.

Стоит заметить, что сам термин «субъект речи» характеризует текст, прежде всего, с точки зрения его формальной организации. По определению Б. О. Кормана, субъект речи - это «тот, кому *приписана речь* в данном отрезке текста» (разрядка - О. А.). Коррелирующим ему понятием выступает «субъект сознания» как «тот, чье сознание передается в данном тексте». «Соотнесенность разных частей текста с носителями речи, определяемыми по формальному признаку (степень выявленности в тексте)» как раз и связана с *формально-субъектной* организацией текста (разрядка - О. А.). Ее содержательная сторона прослеживается уже «не столько по степени выявленности в тексте, сколько по мироотношению и стилю» [Корман 1977: 10]. Обращает внимание, что Б. О. Корман исследует уже не соотношение стилистических пластов в образе автора, а взаимоотношение разных субъектов сознания, каждый из которых по-своему осмысляет действительность и по-своему репрезентирует свою позицию, свою точку зрения. При этом, однако, каждый из них является и формой выражения авторского сознания, поскольку автор предстает, по мнению ученого, как носитель концепции целого произведения («концептированный автор»).

Вступая в диалог с М. М. Бахтиным, Б. О. Корман видит в его концепции «автора-творца» («автор как творец высказывания») наличие скрытого представления «о субъектных ипостасях автора как единственно возможном его личностном инобытии в произведении» [Корман 2006: 243]. Вполне правомерным оказывается и замечание исследователя о «смещении» в трудах М. М. Бахтина «автора как носителя концепции, выражением которой является все произведение, с одной из форм авторского сознания - повествователем, рассказчиком-героем, хроникером и т.п.» [Корман 2006: 100]. Поэтому необходимым становится разведение различных значений термина «автор».

В этом отношении немаловажным оказывается то, какое развитие получила концепция М. М. Бахтина в работах его последователей, в частности в работе В. В. Кожинова. Исследователь рассматривает автора и как изображающую силу и как творческого субъекта произведения, сущность которого выявляется «на материале образа автора». Образ автора - это то, как изображает автор себя, однако это лишь один из аспектов исследования данной проблемы. В художественном тексте автор как творческий субъект воплощается, как пишет В. В. Кожинов, «уже не форме образа, но в форме голоса автора - голоса, который проникает всю целостность произведения» [Кожинов 1978: 26].

Очевидным является то, что автор предстает в рассмотренных концепциях как основополагающая категория текста, вершина его организации. Будучи «средоточием, фокусом целого» (В. В. Виноградов), он является и носителем концепции, и той творческой силой, которая организует оформление этой концепции. Следуя положениям В. В. Виноградова, оказывается возможным изучение стилистических пластов текста как репрезентантов авторского «видения и оценки», оказывается возможным лингвистический подход к изучению образа автора с выходом на композицию и структурную организацию текста. Такое комплексное исследование образа автора осуществлено ученым на материале Жития протопопа Аввакума, «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и других классических произведений русской литературы.

Как видим, несмотря на общность содержания, вкладываемого в понятие автора эстетического, терминологические обозначения его разнятся, что обусловлено стремлением уже в самой дефиниции прояснить сущность данного явления.

Так, в современной нарратологии говорят об имплицитном, или подразумеваемом авторе, который, по словам И. П. Ильина, не воплощен в художественном тексте «в виде персонажа-рассказчика» [Ильин 1999:

46]. При таком подходе категория автора предстает с точки зрения воспринимающего субъекта, поэтому ее имплицитный характер становится особенно очевидным. В связи с этим возникает вопрос, в какой форме реализовано присутствие автора в тексте? Каковы показатели имплицитности?

Сложность поставленной проблемы приводит нередко к сближению или отождествлению образ автора с образом повествователя. Так, И. Б. Роднянская употребляет термин «автор-повествователь», исходя из того, что автор, по ее мнению, выступает «как личный источник тех слоев художественной речи», которые нельзя приписать ни героям, ни рассказчику [КЛЭ 1978: 30]. При таком подходе формальным показателем образа автора в тексте становится авторская речь. Не случайно в этом отношении И. Б. Роднянская приравнивает образ автора к «голосу автора». Однако, как справедливо отмечено Н. С. Валгиной, «не всякая «авторская речь» воспринимается как речь автора» [Валгина 2003: 161]. Содержание же термина «голос автора» в трактовке И. Б. Роднянской значительно отличается от того содержания, который в него вкладывает В. В. Кожин.

Следует заметить, что Н. С. Валгина, несмотря на отмеченные ею важные перцептивные особенности текста, разграничивает «самого автора» и «вымышленного рассказчика» на основе противопоставления речи авторской и неавторской: «Если субъектом речи является сам автор, то это речь собственно-авторская, если субъектом речи является вымышленный рассказчик, то это несобственно-авторская речь или речь сказовая» [Валгина 2003: 161]. Исходя из этого, можно говорить и о формах представления авторства (личностных, когда субъект речи обозначен непосредственно, персонифицирован; безличностных; личностно-безличностных), выделение которых соответствует нарратологическому направлению исследований.

Поскольку повествователь, как и рассказчик, выступает лишь одной из возможных форм выражения авторского сознания, представленный подход оказывается более узким в изучении проблемы автора.

В связи с многоаспектностью самой категории «образ автора» в ряде работ возникает тенденция к исследованию отдельных ее сторон: «эстетического намерения» автора (З. И. Хованская), его «точки зрения» (Б. А. Успенский). Стремление конкретизировать содержание данной категории прослеживается и в появлении таких терминов, как «авторреференциальность», «автометаописание» [Салтымакова 2003: 134]. Исследованию авторской модальности посвящены работы Н. А. Змиевской, Н. С. Валгиной, В. Н. Мещерякова. Ученые отмечают синтезирующий характер категории, что позволяет передать в тексте не только определенную авторскую оценку тех или иных явлений, но и выявить общую ценностную позицию автора.

Подводя итог рассмотрению концепций, посвященных проблеме авторского присутствия в тексте, необходимо остановиться на тех положениях, которые имеют основополагающее значение для проведения стилистического анализа и исследования структуры художественного текста.

1. Форма и содержание художественного текста обусловлены личностью его создателя. Художественное произведение всегда несет на себе черты автора, что является отражением человеческой сущности искусства и такой особенности естественного языка, как неотделимость текста от его создателя, высказывания от говорящего.

2. Разграничение автора биографического и автора эстетического не является абсолютным. «Поэтическое «Я» автора обусловлено его «эмпирическим «Я», и это придает произведению дополнительную историческую, художественную, философско-мировоззренческую информацию.

3. Творческое начало автора проявляется на всех уровнях текстовой организации, однако степень его актуализации на каждом уровне является различной.

В целях устранения терминологической неопределенности предлагаем следующие трактовки понятий.

Образ автора понимается, вслед за В. В. Виноградовым, как своеобразный стержень, в котором, «как в фокусе, сходятся все структурные качества словесно-художественного целого» [Виноградов 1971: 211]; как медиум, определяющий всю систему словесно-речевой и композиционной организации текста. Иными словами, образ автора является демиургом формальной и смысловой структуры художественного текста.

Авторская модальность - это грамматикализованные репрезентанты оценочного характера, выявляющие отношение говорящего к сообщаемому, его ценностную ориентацию в целом.

Авторская интенция - это намерение автора, его художественная задача, творческая установка, творческое кредо. Данное понятие оказывается тесно связанным с автором, «стоящим за текстом».

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1986. - 444 с.
2. Болотнова Н. С. Образ автора // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. - М.: Флинта: Наука, 2003. - С. 253-255.
3. Валгина Н. С. Теория текста: Учеб. пособие. - М.: Логос, 2003. - 280 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. - М.: Высшая школа, 1971. - 240 с.
5. Ильин И. П. Имплицитный автор // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник / А. В. Дранов и др. / Отв. ред. А. Е. Махов. - М.: Интрада, 1999. - 2-е изд., испр. и доп. - С. 46-48.
6. Кожин В. В. Проблема автора и путь писателя (на материале двух повестей Юрия Трифонова) // Контекст-1977: Литературно-теоретические исследования. - М.: Наука, 1978. - С. 23-47.
7. Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / Ред.-сост. Е. А. Подшивалова, Н. А. Ремизова, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. - Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. - 552 с.

8. **Корман Б. О.** Практикум по изучению художественного произведения: Учеб. пособие. - Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1977. - 72 с.

9. **Кручевская Г. В.** «Образ автора» как организующая категория в комплексных методиках исследования стиля художественного произведения: Методическая разработка по спецкурсу. - Томск: Томский гос. ун-т, 1987. - 35 с.

10. **Роднянская И. Б.** Автор // Краткая литературная энциклопедия. - М.: Советская энциклопедия, 1978. - Т. 9: А-Я. - 970 стб.

11. **Рымарь Н. Т., Скобелев В. П.** Теория автора и проблема художественной деятельности. - Воронеж: Логос-Траст, 1994. - 264 с.

12. **Салтымакова О. А.** Авторское повествование в композиционно-стилистическом аспекте // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всерос. науч. конф., посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского гос. пед. ун-та (29-30 октября 2003 г.) / Под ред. проф. Н. С. Болотновой. - Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2003. - С. 133-136.

13. **Соколов А. Н.** Теория стиля. - М.: Искусство, 1968. - 223 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯДЕРНЫХ ЛЕКСЕМ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТ «РАЗУМ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Тугарёва В. В.

Мичуринский государственный аграрный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Поповой Л. Г. и к.ф.н., доц. Яшиной Е. А.

В статье делается подробный анализ русских и английских лексем, представляющих концепт «разум», их сопоставительная характеристика.

Для изучения лексической представленности концепта «разум» следует обратиться к перечню лексем, представляющих этот концепт в сравниваемых языках.

С помощью данных переводных и толковых словарей обоих языков был получен следующий список. В английском языке такими лексемами могут быть: *reason; mind; intellect*.

В русском языке: духовная сила; ум; интеллект; разум, разумение, рассудок; смысл.

Проанализируем каждый из этих списков с целью выделения ведущей ядерной лексемы исследуемого концепта.

В английском языке под лексемой «*reason*» понимается наряду с другими значениями способность мыслить, понимать и формировать мнение или суждение, базирующееся на фактах. Например: *People are different from animals because they possess the power of reason* (Люди отличаются от животных, потому что они обладают силой разума).

Под этим словом понимается еще «хорошее сознание». Например: *There is a great deal of reason in his advice!* (В его совете очень много благоразумия!)

Сюда же относится и значение «здоровые умственные способности». Например: *That is not mad* (То есть не сумасшедший) [Dictionary of English Language and Culture 1992: 1094].

Аналогичным образом проанализируем значение другой лексемы «*mind*». Под ней понимается возможность человека мыслить или чувствовать, производить мысли. Например: *Her mind is filled with dreams of becoming a great actress* (Её разум занят мечтами стать великой актрисой). Сюда же относится способность человека мыслить здраво. Например: *She is among the best minds (cleverest people in the country)* (Она среди лучших умов (умнейших людей страны)). Кроме перечисленного можно отметить сему «сила ума», противопоставленная чувствам. Например: *Her mind told her one thing and her heart another* (Её разум говорил ей одно, а её сердце - другое). В дополнение к приведенным выше семам можно отметить «силу человеческого духа, разума, противопоставление его плоти». Например: *He believes in mind over matter* (Он верит в разум относительно этого дела). К перечню сем можно добавить такую, как «большая способность людей осознавать и воспринимать всё с юмором» [Dictionary of English Language and Culture 1992: 844].

Что касается лексемы «*intellect*», то под ней понимается способность использовать силу разума в большей мере, чем чувств в своих действиях. Сюда же относится способность мыслить интеллектуально и понимать. Например: *A woman of superior intellect* (Женщина незаурядного ума). Хотелось бы отметить такое значение этого слова как «интеллект». Например: *Someone with a great intellect* (Некто с высоким интеллектом).

В философии «разум» рассматривается вместе с понятием «рассудок». Эти понятия выражают две взаимно необходимые стороны развития познания, мышления, взаимнопомогающие друг другу способности. Разумная способность в отличие от рассудочной способности отражает процесс преобразования понятий, получаемых в ходе осознания происходящего. При рассудочной способности эти понятия сохраняют устойчивую форму [Философский словарь 1980: 310].

Сопоставим семантическое наполнение перечисленных выше лексем с философским пониманием разума.

Сравнение показывает, что в большей мере философской трактовке разума соответствует английская лексема «*reason*».